

В МИРЕ
МУЗЫКИ

ДВА ПОЧЕРКА

изведения, ка-
лось бы, несовме-
стимые в одной
программе. Но

Есть в искусстве явления, факты, с которыми часто встречаешься, но не то, чтобы привыкаешь к ним, скорее воспитываешься на них.

Если кто-то впервые, скажем, Пятую симфонию Чайковского слушал в исполнении Константина Иванова, то ему вполне могло показаться, что исполнять эту удивительнейшую симфонию можно так и только так. Могло показаться потому, что дирижер по-настоящему увлечен и увлеченность эта передается слушателю. Возникает то особенное ощущение, когда очень хочется верить исполнителю, когда он убеждает. Надолго запоминается такое первое исполнение. Возникает нечто вроде эталона. И потом вдруг ту же Пятую симфонию того же Чайковского слышишь в исполнении другого мастера — Евгения Мравинского. Слышишь и не слышишь. Потому что все другое. Словно звучит иная музыка. Давно известное открывается заново. И опять кажется, что играть симфонию можно так и только так.

В последние дни мы имели замечательную возможность еще раз почувствовать всю контрастность, непохожесть дирижерских почерков Иванова и Мравинского.

5 февраля концертом в Большом зале Московской консерватории главный дирижер Государственного симфонического оркестра СССР обрадовал своих почитателей Седьмой симфонией Бетховена и Четвертой Чайковского. 7 февраля он играл Вторую симфонию Хренникова и тоже Чайковского — торжественную увертюру «1812 год» (в концерте участвовал отдельный показательный оркестр Министерства обороны СССР) и Пятую симфонию.

Трудно сказать, что было самым главным, самым интересным в этих выступлениях Иванова и руководимого им оркестра. Может быть, тщательность и высокий профессионализм одного из лучших наших симфонических коллективов. Может быть, дирижерский темперамент, его открытая эмоциональность. Во всяком случае это были концерты, о которых говорят, которые дают пищу для размышлений, а это, как известно, случается не всегда и не со всеми.

Есть большой смысл в том, что в программах Константина Иванова стояли рядом Бетховен, Чайковский и Хренников, а в концерте Евгения Мравинского, который выступил вечером 9 февраля в том же Большом зале Московской консерватории, звучали Глинка, Чайковский, Прокофьев. Современность не просто присутствует на концертной эстраде. Она заставляет по-иному взглянуть и на все давно написанное, давно звучащее.

Увертюра к «Руслану и Людмиле», Шестая симфония Прокофьева, Пятая Чайковского, наконец, сыганные оркестром Ленинградской филармонии на бис выступления к «Хованщине», «Балет-сильфов» из «Осуждения Фауста» Берлиоза и антракт к третьему действию вагнеровского «Лоэнгрина» — какие все это разные про-

вот концерт кончился, и... где уж там «несовместимость»! Все было на одном дыхании, в каком-то удивительно широком и в то же время точном, едином ключе. Внутренняя сосредоточенность, напряженность, тончайший психологизм, глубокая, настоящая лирика. Все очень сдержанно, очень лично. Словом, это было великолепно. Можно было не смотреть на дирижера. Каждый его жест, чутко улавливаемый оркестром, передавался слушателю, хотя и был очень скуп, почти незаметен.

...Есть в искусстве явления, факты, с которыми часто встречаешься, но не то что бы привыкаешь к ним, а воспитываешься на них. Концерты К. Иванова и Е. Мравинского еще одно тому подтверждение.

А. ЗОЛОТОВ.